Рассмотрены вопросы, составляющие основу теоретической и практической юриспруденции и имеющие отношение ко всем основным темам общей теории права – понятиям «правомерность» и «противоправность». Анализ имеющихся в науке точек зрения на понимание указанных форм мышления привел к выводу о неоднозначности и ограниченности их смысла. Основная цель работы состояла в том, чтобы на основе выявленных слабых сторон теоретических позиций по указанным вопросам сделать попытку предложить авторскую концепцию понимания правомерности и противоправности. Итог проведенной работы – заключение автора о природе, объеме смысла указанных понятий и границах их использования в ходе исследования процессов противодействия осуществлению закона.

Ключевые слова: правомерность; противоправность; действие закона; противодействие осуществлению закона; правомерное поведение; формы противодействия осуществлению закону.

Надежда Ивановна Сухова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра теории государства и права, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия», Саратов, Россия;
sukhova777@yandex.ru

КРИТЕРИИ «ПРАВОМЕРНОСТЬ» И «ПРОТИВОПРАВНОСТЬ» В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАКОНУ

Введение

Действие закона – процесс, который предполагает в качестве оценочных критериев, характеризующих его, не только такие как эффективность, качество, пределы, действенность, обеспеченность и др. Полагаем, что любой закон на определенном этапе своей реализации испытывает проблемы, вызванные рядом причин, среди которых особое внимание отводится противодействию его осуществлению. Под противодействием реализации закона нами понимается *осуществляемая в активной или пассивной форме деятельность субъектов по реализации интересов, находящихся в правовой сфере и зависящих от предусмотренных законом правовых средств, процедур, форм, связанная с созданием наиболее благоприятных условий посредством препятствий осуществлению целей и положений закона либо с облегчением выполнения его требований, но вопреки смыслу и целям закона, принципам правового регулирования.*

Обращение к понятиям «правомерность» и «противоправность» обусловлено рядом тактических задач, связанных с установлением форм противодействия закону, средств его преодоления, системы мер реагирования и оснований их применения, последствий противодействия осуществлению закона и др. Все они, так или иначе, выходят на проблемы противоправности и правомерности поведения, принимаемых решений, деятельности и т.п., а потому их решение может иметь значение методологического основания для исследования противодействия закону.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятия «правомерность» и «противоправность» являются весьма распространенными как в теоретической, так и практической юриспруденции. Предположим, что они и явления, отражаемые ими, лежат в основе всей юридической науки и практики, а потому отличаются солидной системой знания о них. Однако такое видение дел не соответствует действительности и может сложиться только при отдаленном и поверхностном знакомстве.

Отмеченная распространенность указанных понятий в юридической сфере и сформированная ими сеть связей внутри нее, как оказалось, вовсе не коррелируют с имеющимися разработками и богатыми теоретическими данными об их природе, содержании, объеме и т.д. В науке не сложилось ни противоречивого, ни стройно-однозначного понимания того, что есть «правомерность» со следующими из нее производными, а что есть «противоправность». Хотя имеется множество исследований правового поведения, правовой деятельности, нормативных правовых актов, сделок, правоприменительных актов и других тем, в которых, так или иначе, ставятся вопросы правомерности или противоправности. Например, в работах по правомерному поведению, правонарушениям, юридической ответственности [6 – 9, 12, 13, 15], логически требующих рассмотрения указанных понятий, не содержится их анализа, не раскрывается их объем, соотношение с другими понятиями и категориями. Правомерность и противоправность исследуются через призму признаков правового поведения, понимаемых как само собой разумеющиеся явления: либо соответствующие требованиям норм права, либо нарушающие их, и часто как взаимозаменяемые термины.

Лишь в немногих исследованиях конца прошлого века и начала XXI в. встречаются краткие рассуждения о смысле и объеме понятия «правомерность»; «противоправность» не вызывает повышенного интереса видимо из-за своей однозначности и простоты понимания.

Так, В. В. Оксамытный, отмечая узость применения понятия «правомерное» только для обозначения соответствующего праву поведения, в то время как только этим видом весь спектр поведения, не нарушающего правовые нормы не исчерпывается, обратился к анализу его структурно-семантического происхождения. Вместе с тем установленные ограниченность применения, семантические и корневые связи в использовании указанного понятия различными правовыми системами не привели к выстраиванию концепции правового содержания «правомерность», поскольку, давая определение правомерному поведению, вновь подчеркивалось его связь с социальным действием права, направленность на исполнение и соблюдение его требований [10, с. 61 – 73], что не восполняло недостатков в использовании этого понятия, отмеченных самим же автором.

Более глубокий анализ объема именно правового смысла понятия «правомерность» сделал А. Д. Тихомиров [17]. Исследуя профессиональное правомерное поведение, он пришел к выводу о том, что природа поведения раскрывается через единство и взаимодействие социальной и правовой составляющих, выражается в качественной и количественной определенности, где качественная представлена необходимыми и достаточными признаками социальной значимости, подконтрольности сознанию и воле, правомерности, а количественная представляет собой выражение уровня

качественности и массовости. Исходя из этого, «правомерность» по своему объему представляет собой более широкое понятие, чем только соответствие поведения правовым нормам. Тихомиров А. Д. предложил рассматривать ее как: а) критерий измерения и оценки правового качества поведения; б) зону, где правовое качество поведения остается неизменным при изменениях его количественных показателей; в) показателя однокачественности правовых норм и правомерного поведения, то есть способность норм регулировать поведение и способность последнего воспринимать данное регулирующее воздействие [17, с. 6, 11].

Пожалуй, это одна из самых первых оригинальных трактовок понятия «правомерность», которая объединяет в себе характеристики правового и социального аспектов явления и демонстрирует возможность преодолеть ограничения, отмеченные в работе [17]. Позднее такой подход к пониманию правомерности в различных сочетаниях и вариантах не часто будет воспроизводиться в работах других авторов, пытающихся соотнести понятие «правомерность» с иными близкими по значению и месту в понятийном ряду [1, 2, 14].

В юридической науке нынешнего столетия к вопросам правомерности предлагается подходить с учетом того, в контексте какого правопонимания она рассматривается [6, с. 15 – 30; 14, с. 68]. Не противясь этому предложению авторов, все же следует указать на самую слабую сторону этого подхода – отсутствие четкого авторского взгляда на объем и смысл понятия «правомерность». Хотя упоминающаяся в нем дефиниция правомерного поведения могла бы пролить свет на данную неясность. Под правомерным поведением понимается поведение, выражающееся во взаимоотношениях личности с другими субъектами, ограниченное их правами и свободами, не противоречащее позитивному праву либо общественным отношениям (когда они являются источником права), признаваемое справедливыми в конкретном обществе в определенный промежуток времени [6, с. 29].

Менее научным и аргументированным, но в то же время заслуживающим внимания, кажется взгляд на рассматриваемые понятия в рамках религиозно-правового понимания проблемы. Здесь утверждается, что понятие «правомерность» эмануирует из абсолютного и неизменного Слова Божьего, дающего основание и составляющего прообраз объективного понятия «право» [11, с. 70]. «Каждому грамотному человеку нетрудно заметить, что само русское слово *правомерность* состоит из двух основ: *право* и *мера*. В авторском контексте право есть не что иное, как мерное проявление воли безмерного Бога для каждого народа, соразмерное со степенью общей зрелости его духа и культурного бытия... Стало быть, правомерным представляется всякое социальное явление, которое соответствует объективным (не зависящим от сознания и воли людей) закономерностям богочеловеческих взаимоотношений, при которых относительные и изменчивые воли людей любовно и органически сочетаются с абсолютными и неизменными императивами Бога, а не просто с общепринятыми, договорными международно-правовыми стандартами» [11, с. 74].

Проведенное краткое обобщение позиций по вопросу понимания смысла и объема понятия «правомерность», а также близких с ним вопросов, показало остающуюся небольшую брешь в этом срезе юридического знания, дающую возможность сделать попытку ее заполнить своими рассуждениями, результатом анализа юридической теории и практики.

Авторская концепция правомерности вряд ли сможет претендовать на исключительную оригинальность, но для ее выработки, полагаем, целесообразно и полезно обратиться к понятию «противоправность», чтобы в тесной связи с ним выяснять содержание и объем юридического смысла обоих понятий.

Противоправность позиционируется признаком деяния, которое одновременно должно быть общественно опасным и нарушать норму действующего права. Эта высказанная О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским [4, с. 334] в середине прошлого века мысль не претерпела каких-нибудь существенных изменений и не наполнилась новым содержанием, за исключением полемики вокруг характера норм, подвергающихся нарушению [3, с. 31; 9, с. 7]. Тем не менее есть и не входящие во множество трактовок противоправности, в которых она рассматривается в зависимости от специфики оформления юридических обязанностей и места расположения конкретного деяния в системе неправомерного поведения [1, с. 117]. На основании этого выделяется четыре уровня нормирования обязанностей, нарушение которых и вызывает противоправность деяния.

Не со всем в представленной позиции можно согласиться, но в ней есть интересная мысль о том, что некоторые регулятивные нормы (их мало, но они есть) не обеспечены со стороны государства принудительными мерами, а потому несоблюдение закрепленных в них обязанностей не влечет никаких последствий. Если последствий не наступает, надо полагать, и деяние нельзя назвать противоправным. С. И. Вершинина считает иначе и в итоге несколько запутывает свои рассуждения о противоправности. Так, автор утверждает, что неисполнение юридической обязанности всегда нарушает регулятивное правило поведения, что придает деянию противоправный характер. Выполнение регулятивных норм обеспечивается механизмом принудительного исполнения, содержащимся в других нормах. Однако в действующем российском законодательстве имеются юридические обязанности, не обеспеченные указанным механизмом. В такой ситуации, полагает автор, исполнение обязанности осуществляется «на основе добровольности и правосознательности субъектов права, сообразующих свое поведение с нуждами и потребностями общества и государства» [1, с. 118].

Последнее утверждение и вызывает несогласие, поскольку не соотнобразуется с системой знаний о нормах, их исполнении, ответственности, правомерном и противоправном поведении. Добровольность исполнения обязанности делает ее схожей с субъективным правом и исключает особенности характера именно обязывающей нормы. Добровольное ее исполнение, не обеспеченное никакими средствами, позволяет ее не исполнять; не вызывает ответственности; такое поведение нельзя признавать противоправным. Но, полагаем, нельзя считать и правомерным по следующим основаниям.

Во-первых, практически никто из цитировавших О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского не обращал внимание на существенное содержание их мысли о противоправности, не включенное в две названных выше характерных черты. Речь идет о том, что невозможность правомерного деяния быть основанием ответственности, даже если оно заведомо для субъекта могло повлечь вредные последствия или повлекло их (например, при крайней необходимости, необходимой обороне, дозволенном производст-

венном риске, выполнении профессиональных обязанностей и т. д.) соседствует и пересекается с тем, что «иногда самая возможность того, что деяние повлечет или может повлечь общественно опасные последствия, делает деяние неправомерным» [4, с. 334].

Во-вторых, наличие в объективном праве норм, даже не обеспеченных принудительными средствами и мерами ответственности, в отношении которых состоялось нарушение, все равно порождает следствия в правовой системе, элементы которой направлены на установление необходимого порядка. И это следствие может выражаться именно оценкой «правомерно»/«неправомерно».

В-третьих, многие из обязывающих норм содержат в себе не столько обязанность, сколько ориентируют на основополагающие положения формирования и развития тех или иных групп общественных отношений, то есть на отраслевые или общеправовые принципы права. Например, в ст. 23 Налогового кодекса РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.01.2020) содержится норма, указывающая на необходимость должного поведения налогоплательщика. Нарушение принципов права не всегда содержит признаки состава правонарушения, но признается неправомерным, влечет применение мер защиты или перераспределение процессуальных обязанностей в процессе защиты, что подтверждается не только теоретическими положениями, но и юридической практикой.

Так, Пленум Верховного Суда РФ сформулировал некоторые правила осуществления правосудия в ситуациях определения добросовестности участников гражданского оборота. При оценке действий сторон с точки зрения добросовестности учитывается поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей в их осуществлении. Недобросовестным может быть признано поведение одной из сторон не только по обоснованному заявлению другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. При установлении недобросовестности поведения стороны суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения принимает одно из решений: отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично; применяет меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8).

Заключение

На основании имеющихся разработок и с учетом высказанных замечаний по их содержанию, полагаем, что правомерность в сравнении с противоправностью, действительно, является более сложным явлением и характеристикой деяния, чем может показаться на первый взгляд. Ее концепция, используемая в исследовании процесса противодействия закону, может выглядеть так.

Правомерность – понятие, которое связано и порождено правовой сферой, выражает, с одной стороны качественную характеристику деяния, а с другой, выступает критерием оценочного суждения о нем. Другими словами, она играет роль и признака деяния, и меры, критерия суждения о нем. Способность рассматриваемого понятия выступать мерой, на наш взгляд, наряду с противоправностью может и должна использоваться при определении общественной опасности деяния и его результатов. Критериальность правомерности распространяется не только на деяния, но и на деятельность, а также на акты различной юридической природы.

Правомерность находит свою объективацию не только в объективном праве, имеющем признаваемую государством официальную форму его выражения, но и в принципах, в его общем смысле, а также в результатах юридической практики. При этом под юридической практикой мы понимаем и практику регламентации общественных отношений, складывающуюся в деловые обыкновения и в ход вещей, признаваемый обычным при нормальных условиях в конкретной сфере отношений.

В связи с этим не можем согласиться с мнением, имеющим место в ранее упомянутых работах, в которых правомерности приписывается и социальная природа. Мы исходим из того, что полностью исключать и не брать во внимание связь правомерности с явлениями морально-ценностной сферы нельзя. Всем известно значение высокой степени обусловленности многих правовых феноменов категориями морали и нравственности: правосознания, правовой культуры, поведения, принципов права и т.д. Но вместе с тем убеждены, что эта связь не должна вести к ассимиляции правового феномена с феноменом морали или нравственности. Справедливость, которая является мерилем всего права и его отдельных институтов, не превращает его в мораль, а юридическую ответственность, например, в моральную ответственность. Значение идеалов свободы, демократии, нравственности и справедливости подчеркивается в исследованиях элементов всей юридической практики, которая довольно часто приходит в противоречие с ними, что ведет к сомнениям в разумности права, замене законности целесообразностью и иным негативным для развития правовой сферы последствиям [2, с. 11]. Представляется, что указанные идеалы выступают критериями объективности и адекватности юридических явлений и средств социально-ментальному уровню регулируемых отношений.

Одной из важнейших составляющих смысла правомерности в ее чисто юридическом понимании является, по нашему мнению, характеристика цели и результата деятельности, деяния, акта. Результат при не нарушающем норму права поведении может быть противоправным, что не позволяет всю совокупность юридически значимого комплекса назвать правомерным. Особенно это актуально в таких отраслях права, как гражданское и международное, где отсутствует четкое определение противоправного поведения и критериев его правомерности. Поэтому для определения последней, например, в сфере оказания медицинских услуг важны два обстоятельства: совершение деяний, полностью или частично не отвечающих официальным требованиям, предписаниям, правилам; наличие недостатка медицинской услуги, то есть ее несоответствие стандарту, условиям договора или обычно предъявляемым требованиям к качеству [19, с. 44].

Наиболее остро вопрос понимания правомерности стоит при определении сделок недействительными. На протяжении двух столетий представители гражданского права так и не пришли к единообразному пониманию недействительности сделки. Тем не менее точки зрения некоторых из них, высказанные в последнее время, заслуживают внимания, поскольку подчеркивают сложность понятия «правомерность». Отмечается, что границы между сделкой и правонарушением стираются по причине непризнания правомерности или неправомерности сделки ее необходимым элементом как юридического факта; возникают сложности при отграничении данных понятий друг от друга [5, с. 9]; понятия «недействительность» и «противоправность» не совпадают по своему смысловому значению и при юридической оценке сделок не пересекаются. Недействительная сделка станет правонарушением только тогда, когда субъект виновен и осознает противоправность своих действий [18, с. 9 – 13].

В международном праве правомерность полномочий его субъектов или их деятельности так же определяется по нескольким правилам, одно из которых касается конечного результата [16, с. 90].

Таким образом, в исследовании процессов противодействия реализации закона важно внимательно относиться к критериям выделения форм такого противодействия. Нужно помнить, что противодействие может явно нарушать требования правовых норм и быть противоправным. Однако не исключается, что в силу многообразия правовых средств реализации интересов в сфере действия закона не всякое противодействие может нарушать правовые нормы, то есть по формальным признакам не быть противоправным, но признаваться правомерным тоже вряд ли сможет, если учесть все выделенные составляющие смысла понятия «правомерность» для его определения. В любом случае, для изучения противодействия осуществлению закона правомерность и противоправность будут играть роль критериев определения формы такого противодействия.

Список литературы

1. **Вершинина С. И.** О содержании признака противоправности деяний // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1 (19). С. 116 – 119.
2. **Вопленко Н. Н.** Законность и легитимность // Новая правовая мысль. 2009. № 1. С. 11 – 14.
3. **Вопленко Н. Н.** Правонарушение и юридическая ответственность. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 136 с.
4. **Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.** Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
5. **Киселев А. А.** Недействительные сделки: проблемы составов, квалификации и правовых последствий: монография / под ред. проф. В. А. Рыбакова. М.: Юрист, 2004. 160 с.
6. **Ковалева Е. Л.** Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 288 с.
7. **Кудрявцев В. Н.** Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.
8. **Кудрявцев В. Н.** Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.
9. **Малеин Н. С.** Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.

10. **Оксамытный В. В.** Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 374 с.
11. **Осипян Б. А.** Корень понятия «правомерность» // Современное право. 2008. № 1. С. 69 – 78.
12. **Рязанова Н. А.** Правомерность как характеристика деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с.
13. **Самощенко И. С., Фарукшин М. Х.** Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. 240 с.
14. **Семина О. С.** Законность и правомерность: соотношение и взаимосвязь // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 67 – 70.
15. **Степаненко Р. Ф.** Современная концепция маргинального поведения в общей теории права: дискуссионные аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 34 – 38.
16. **Тарасова Л. Н.** К дискуссии о правомерности современного международного права // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2011. № 2. С. 88 – 95.
17. **Тихомиров А. Д.** Профессиональное правомерное поведение работников органов внутренних дел: социально-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1990. 20 с.
18. **Тузов Д. О.** Теория недействительности сделок. Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 600 с.
19. **Шевчук Е. П.** Противоправность деяния как элемент деликтной ответственности при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42). С. 44 – 46.

References

1. **Vershinina S. I.** [On the content of unlawful acts], *Vektor nauki TGU* [Science vector TSU], 2012, no. 1 (19), pp. 116-119 (In Russ.).
2. **Voplenko N. N.** [Legality and legitimacy], *Novaya pravovaya mysl'* [New legal thought], 2009, no. 1, pp. 11-14 (In Russ.).
3. **Voplenko N. N.** *Pravonarushenie i yuridicheskaya otvetstvennost'* [Offense and legal liability], Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2005, 136 p. (In Russ.).
4. **Ioffe O. S., Shargorodskij M. D.** *Voprosy teorii i prava* [Theory and law], Moscow: Gosyurizdat, 1961, 381 p. (In Russ.).
5. **Kiselev A. A. and Rybakov V. A. (Ed.)** *Nedeystvitel'nye sdelki: problem sostavov, kvalifikatsii i pravovykh posledstviy* [Invalid transactions: problems of composition, qualification and legal consequences], Moscow: Yurist, 2004, 160 p. (In Russ.).
6. **Kovaleva E. L.** *Candidate's of Law thesis*, Moscow, 2002, 288 p. (In Russ.).
7. **Kudryavtsev V. N.** *Zakon, postupok, otvetstvennost'* [Law, act, responsibility], Moscow: Nauka, 1986, 448 p. (In Russ.).
8. **Kudryavtsev V. N.** *Pravo i pravovedeniye* [Law and jurisprudence], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1978, 192 p. (In Russ.).
9. **Malein N. S.** *Pravonarusheniye: ponyatiye, prichiny, otvetstvennost'* [Offence: concept, causes, responsibility], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985, 192 p. (In Russ.).
10. **Oksamytny V. V.** *Doctor's of Law thesis*, Kiev, 1990, 374 p. (In Russ.).
11. **Osipyany B. A.** [The root of the concept of "legitimacy"], *Sovremennoye pravo* [Modern law], 2008, no. 1, pp. 69-78 (In Russ.).
12. **Ryazanova N. A.** *Extended abstract of candidate's of Law thesis*, Moscow, 2012, pp. 25 (In Russ.).
13. **Samoschenko I. S., Farukshin M. H.** *Otvettstvennost' po sovetskomu zakonodatel'stvu* [Liability under Soviet law], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971, 240 p. (In Russ.).

14. **Semina O. S.** [Legality and legitimacy: correlation and relationship], *Mezhdunarodny zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava* [International journal of constitutional and state law], 2016, no. 2, pp. 67-70 (In Russ.).
15. **Stepanenko R. F.** [Modern concept of marginal behavior in the general theory of law: debatable aspects], *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian law], 2013, no. 4, pp. 34-38 (In Russ.).
16. **Tarasova L. N.** [To the discussion on the legality of modern international law], *Vestnik RUDN* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], 2011, no. 2, pp. 88-95 (In Russ.).
17. **Tihomirova A. D.** *Extended abstract of candidate's of Law thesis*, Kiev, 1990, 20 p. (In Russ.).
18. **Tuzov D. O.** *Teoriya nedejstvitel'nosti sdelok. Opyt rossijskogo prava v kontekste evropejskoj pravovoj traditsii* [The theory of invalidity of transactions. The experience of Russian law in the context of European legal tradition], Moscow: Statut, 2007, 600 p. (In Russ.).
19. **Shevchuk E. P.** [Unlawfulness of an act an element of tort liability in the provision of medical services], *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian legal bulletin], 2008, no. 3 (42), pp. 44-46 (In Russ.).

The Criteria of “Legitimacy” and “Unlawfulness” in the Study of the Processes of Counteraction to the Law

N. I. Sukhova, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of State and Law Theory,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia;
sukhova777@yandex.ru*

The article considers issues that form the basis of theoretical and related to all the main topics of the general theory of law – the concepts of “legitimacy” and “unlawfulness”. The analysis of the points of view available in science on understanding these forms of thinking led to the conclusion that their meaning is ambiguous and limited. The main goal of the study is to make an attempt to propose an author's concepts of understanding legitimacy and unlawfulness, using the identified weaknesses of the theoretical positions on these issues. The result of the study was the author's conclusion about the nature, extent of the meaning of these concepts and the limits of their use in the study of processes of counteraction to the implementation of the law.

Keywords: legitimacy; unlawfulness; operation of law; opposition to law; lawful conduct; counteractions to the application of the law.

© Н. И. Сухова, 2020

Статья поступила в редакцию 23.04.2020

При цитировании использовать:

Сухова Н. И. Критерии «правомерность» и «противоправность» в исследовании процессов противодействия закону // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 57 – 65. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.057-065